

ТВОРЧЕСТВО ДЖ. БАЙРОНА В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ К.И. ЧУКОВСКОГО

© **Жаткин Дмитрий Николаевич** (2022), ORCID: 0000-0003-4768-3518, SPIN-code: 7997-9846, доктор филологических наук, профессор, Пензенский государственный технологический университет (Россия, 440039, г. Пенза, пр. Байдукова/ул. Гагарина, д. 1а/11), ivb40@yandex.ru

© **Морозова Светлана Николаевна** (2022), ORCID: 0000-0003-0686-5614, SPIN-code: 4889-6361, кандидат филологических наук, доцент, Филиал Военной академии материально-технического обеспечения в г. Пензе (Россия, 440005, г. Пенза-5, Военный городок), s.morozova09@mail.ru

В статье осмысливаются особенности восприятия К.И. Чуковским творчества Дж. Байрона. В литературно-критических публикациях, мемуарах и эпиталярии русского писателя содержатся многочисленные факты обращения к биографии и творчеству Дж. Байрона. Большое внимание К.И. Чуковский уделял анализу влияния творчества английского автора на формирование мировоззрения русских писателей, на образы и мотивы их произведений. В статьях «О г. Евг. Соловьеве», «“Поединок” Куприна» и дневниковых записях К.И. Чуковский убежденно говорил об искусственности сближения Дж. Байрона и А.С. Пушкина, в статьях «Ираклий Андроников», «Мережковский и Лермонтов» рассуждал о преувеличении исследователями байроновского влияния на М.Ю. Лермонтова. При анализе переводов произведений Байрона на русский язык К.И. Чуковский критиковал буквализм, несоблюдение классических принципов художественного перевода, приводившие к искажению и обеднению наследия английского поэта. Значительный объем материалов, связанных с осмыслением переводческой рецепции произведений Дж. Байрона в России, включен в книгу «Высокое искусство», в которой охарактеризованы опубликованные переводы «Шильонского узника» (В.А. Жуковский), «Паломничества Чайльд-Гарольда» (В.В. Левик), «Дон Жуана» (П.А. Козлов, Г.А. Шенгели, Т.Г. Гнедич). К.И. Чуковский привел примеры искажений, допущенных каждым из переводчиков, отметив при этом стилистическую сложность и неоднородность байроновского наследия.

Ключевые слова: К.И. Чуковский, Дж. Байрон, рецепция, романтизм, переводы.

Восприятие творчества Дж. Байрона в России, судьба его произведений в русской литературе и культуре традиционно являются

популярными темами общих и специальных работ [Александров 1904; Алексеев 1982; Дьяконова 2007; Гуревич 1980; Жирмунский 1978; Лашкевич 1991; Левин 1985]. Существенные эпизоды истории изучения творчества английского поэта связаны с К.И. Чуковским, который в литературно-критических работах представил собственное понимание некоторых вопросов, касающихся художественного наследия Дж. Байрона. Писатель считал вполне закономерным проявление разнообразных оттенков байронизма в русской литературе, но предостерегал от ходульности и утрирования в сопоставлении уникальных явлений русской литературы с образами и мотивами произведений английского автора.

К.И. Чуковский осуществлял анализ восприятия творчества английского поэта в России и за рубежом, его места в мировом литературном процессе, изучал возможное влияние мотивов и образов произведений Дж. Байрона на русскую литературу, фактов рецепции творчества поэта русскими писателями, осмысливал переводы произведений Байрона на русский язык.

Обращение К.И. Чуковского к творчеству Дж. Байрона было обусловлено не только широким распространением его произведений среди русских читателей («В старой России самым популярным английским поэтом был Байрон. Его ставили тогда чуть не рядом с Шекспиром» [Чуковский 2012, т. 3, 491]), но и общим интересом к английской литературе, о чем свидетельствуют проведенные нами ранее исследования, реконструировавшие представления К.И. Чуковского об Англии и ее литературе [Морозова 2021; Морозова, Жаткин 2020а; Морозова, Жаткин 2020б]. Современники писателя подтверждали его увлечение зарубежной, в частности, английской литературой. Так, Л.К. Чуковская в книге «Памяти детства» упоминает библиотеку отца, в которой можно было видеть издания Дж. Байрона: «Английские <книги> же он вывез и постоянно выписывал из Лондона. С раннего детства помню Уолта Уитмена во многих изданиях, и Мильтона, и Шекспира, и Китса, и Суинберна, и Грея, и Браунинга, и Байрона» [Чуковская 2012, т. 3, 34]. Писатель придавал большое значение чтению зарубежной литературы, считая ее связующим звеном между культурами разных стран; чтение представлялось ему настоящей потребностью самих писателей, которые на примере творчества других авторов могут наблюдать необходимые для их становления и роста профессиональные приемы. 10 июля 1921 г. К.И. Чуковский в письме к сыну Николаю, окончившему к

тому времени Тенишевское училище и уже проявившему себя на литературном поприще в качестве поэта и участника литературной студии «Звучащая раковина», рекомендует серьезнее отнестись к своей подготовке: «Да я на твоём месте проглотил бы в одно лето всего Шекспира, Байрона, Мура, Броунинга, а ты вежливо позволяешь мне иногда, из милости, прочитать тебе какой-нибудь английский стишок» [Чуковский 2013, т. 14, 468].

В мае 1962 года в «Оксфордской речи» писатель говорил о том, что он воспринимает каждую страну через ее литературу. К.И. Чуковский осознавал несостоятельность этой позиции, ее утопичность, но не изменял своим взглядам: «Для меня Англия была и осталась страной великих писателей. Хорошо понимаю, что это наивно, но здесь уж ничего не поделаешь: видеть Англию исключительно в литературном аспекте и значит для меня видеть ее подлинную суть» [Чуковский 2012, т. 3, 492]. По мнению К.И. Чуковского, писатели явились той силой, которая смогла противостоять лицемерию и ханжеству английского общества, фарисейской сущности пуританской морали: «И хотя из литературы я знал, что в Англии множество Пекснифов, но разве не та же литература явилась оружием анти-фарисеев, анти-Пекснифов, таких, как Годвин, Шелли, Байрон, Диккенс, Теккерей, Рескин, Вильям Морис, Бернард Шоу» [Чуковский 2012, т. 3, 493].

В письме М.Б. Чуковской от 28 марта 1904 г. К.И. Чуковский с восторгом отзывался о «Дон Жуане» Дж. Байрона: «Я читаю “Дон Жуана” – и прихожу в восторг. Это что-то сверхъестественное» [Чуковский 2013, т. 14, 39]. Годы спустя писатель пояснял, чем именно привлекло его это произведение: «...не забуду того счастья, которое я испытал, когда в публичной библиотеке (уже в Петербурге) мне привелось прочитать “Дон Жуана”: почти сверхъестественная власть гениального мастера над родным языком ошеломила меня беспредельными фейерверками неожиданных каламбурных, эксцентрических рифм» [Чуковский 2012, т. 3, 491].

Дж. Байрон настолько заинтересовал К.И. Чуковского, что последний изучил его эпистолярный, из которого впоследствии нередко черпал важные сведения по английской литературе, ознакомился с автобиографическими заметками, письмами и дневниками Байрона, изданными в 1830 г. Томасом Муром: «Заинтересовал меня Чаттертон. Нужно просмотреть переписку Байрона, да, кажется, у Шелли есть что-то» (дневниковая запись от 18 июня 1906 года) [Чуковский 20

2013, т. 11, 131–132]; «Вчера провалялся после 19-го. Читал с наслаждением Wucherly, письма Салтыкова, Мура о Байроне, перечитывал Некрасова и проч., и проч.» (дневниковая запись от 21 декабря 1924 г.) [Чуковский 2013, т. 12, 77]. В статье «Оскар Уайльд» (редакция 1922 года) К.И. Чуковский так характеризовал издание Мура, комментируя свое отношение к творчеству Дж. Байрона: «Удивительно, что Байрон, столь любимый в России, оставил меня совершенно холодным. Его письма, собранные в книге Томаса Мура, гораздо полнее раскрыли передо мною его поэтический гений, чем все его хваленые поэмы. Только “Беппо” и “Дон Жуан” восхитили меня, да и то, главным образом, своей блестящей стихотворной техникой» [Чуковский 2012, т. 3, 386]. Писатель критиковал отдельные байроновские произведения за их искусственность, ходульность образов, и тогда сдержанные оценки превращались в критические: «Но я никак не мог заставить себя полюбить его ходульных “Корсаров” и “Каинов”» [Чуковский 2012, т. 3, 491]. В целом категоричные суждения о Дж. Байроне не были свойственны К.И. Чуковскому; их появление во многом обусловлено его настроениями первых послереволюционных лет, когда многие из авторитетов прошлого подвергались сомнению [Морозова, Жаткин 2019].

Интересны рассуждения К.И. Чуковского об отнесении Дж. Байрона к какому-либо литературному течению или направлению, являвшемуся предметом бурного обсуждения в рядах русской интеллигенции. В этом вопросе писатель непреклонен: «лишь *вне* течений, направлений, влияний, отражений, традиций, школ вскрывается нам творчество поэта» [Чуковский 2012, т. 8, 132]. По его мнению, нельзя отрицать, что и в композиции, и в стилистике, и в фонетике произведений раскрывается душа их создателя. В статье «Александр Блок как человек и поэт» К.И. Чуковский проводит параллель между пониманием Мировой души А. Блоком, в поэтическом творчестве которого философские идеи В.С. Соловьева преломились через призму мифопоэтического, и игнорированием этого аспекта при изучении творчества Дж. Байрона. По наблюдению К.И. Чуковского, в трудах отечественных исследователей существовали строгие рамки отнесения каждого писателя к определенному направлению, в соответствии с чем отрицалось понятие о душе и творческой личности; подобная механистичность порицалась писателем, воспринимавшим ее как предвзятое искажение реальности: «Знаю, что если бы, например, у Байрона не было вовсе души, это

было бы гораздо удобнее для бесчисленных доцентов всего мира, пишущих о нем диссертации. Как будто он жил и творил для того, чтобы у целой армии благополучных доцентов было о чем писать диссертации. Но есть же у поэта душа, которая живет лишь однажды – религиозной, торжественной жизнью – для себя, а не для заполнения готовой графы» [Чуковский 2012, т. 8, 133].

К.И. Чуковский продолжал эту тему в письме И.Е. Репину от 23 марта 1926 г.: «Терпеть не могу, когда Лермонтова зовут “байронистом”, Жуковского – “романтиком”, Карамзина – “сентименталистом” и проч. Этой зимой я читал Байрона (ведь я счастливец: могу читать его в оригинале, и мне такой клеветой на него показались все клички, данные ему профессорами словесности» [Чуковский 2013, т. 15, 60]. В ответном письме И.Е. Репин соглашался с респондентом и признавал важность чтения произведений зарубежной литературы не в переводах, а в том виде, как они были созданы самими писателями: «Байрона в оригинале! – счастливец» [Репин, Чуковский 2006, 135].

К.И. Чуковский также неоднократно размышлял о Дж. Байроне в различных жизненных ситуациях. Так, он вспоминал об английском поэте (как и о множестве других памятных ему литераторов) в особенно тяжелое для него время, на исходе жизни, когда сильно болел и задумывался о неизбежном конце: «Умирать вовсе не так страшно, как думают. Из-за того, что я всю жизнь изучал биографии писателей и знаю, как умирали Некрасов, Тургенев, Щедрин, Вас. Боткин, Леонид Андреев, Фонвизин, Зоценко, Уолт Уитмен, Уайльд, Сологуб, Гейне, Мицкевич, Гете, Байрон и множество других, в том числе Куприн, Бунин, Кони, Лев Толстой, я изучил методику умирания, знаю, что говорят и делают умирающие и что делается после их похорон» (дневниковая запись от 10 сентября 1964 г.) [Чуковский 2013, т. 13, 394]. В открытом письме «Единое сердце на весь земной шар», атрибутированном писателю на основании многочисленных совпадений с записями в его дневнике, Дж. Байрон упоминался в контексте преодоления трудного времени: «Но мне тоже необходимо покинуть дом на пустой желудок, так как мне предстоит полный рабочий день. Нужно читать лекции. Лекции о Байроне» [Чуковский 2013, т. 14, 551].

В свете большой популярности Дж. Байрона в России К.И. Чуковскому казалось абсурдным забвение его имени на родине. В корреспонденции «В защиту», отправленной в 1903 г. из Лондона, писа-

тель объяснял это обстоятельство пуританским ханжеством английского социума, под прикрытием которого достопочтенные граждане разрешали себе свободу во многих вопросах, зачастую противоречащих и морали, и общественному порядку, но негласно были против оглашения того, что касалось отношений мужчины и женщины. Печальным следствием такого порядка вещей стало, по его мнению, то, что «англичане не знают Байрона»: «Трудно достать такое издание, где был бы Дон Жуан. На обложке напечатано complete edition – полное издание, – а в оглавлении Дон Жуана хоть и не ищи» [Чуковский 2013, т. 11, 448].

Схожую мысль в письме К.И. Чуковскому от 31 января 1916 г. высказал И.Е. Репин, перед тем ознакомившийся со статьей писателя «Англичане о нас», вошедшей в книгу «Англия накануне победы» (Пг.: Т-во А.Ф. Маркс, 1916). В статье К.И. Чуковский писал о хорошем отношении англичан к русским, об их интересе ко всему русскому, о большом количестве книг о России и т. д., осуждал славянофилов за их стремление к архаизации России. На это И.Е. Репин считал возможным возразить: «Вчера не успел Вас предостеречь: англичане народ чопорный и весьма самодовлеющий <...>. Пишу затем, что во вчерашней Вашей милой-грациозной статейке очень много подложено места и дегтю. Остерегитесь, – этого они Вам не простят. Вспомните судьбу Байрона» [Репин, Чуковский 2006, 114]. Закономерным следствием такого положения вещей становилось и внимание к проблемам воспитания. В корреспонденциях из Лондона в 1903 г. К.И. Чуковский осуждал молодежь за безразличие к собственной культуре, за отсутствие поэтического мироощущения, в результате чего «нет размаха, нет духовной широты, в область духа вносится то же разделение, как и в области фабричного труда»; в результате - английская литература утрачивает свою значимость: «Оттого-то у них иссяк источник творчества, оттого-то на смену Китсу, Шелли, Байрону и Броунингу – не приходит нынче никто» [Чуковский 2013, т. 11, 465]. К.И. Чуковский полагал, что для внутреннего развития английскому обывателю не хватает творчества и смелости. Жизнь по ранее установленному порядку удобна людям, не стремящимся изменить привычный уклад жизни, даже опасаящимся таких изменений, однако «только там, где миллионы живут инстинктивной жизнью <...>, могут вырастать такие могучие индивидуальности, как Пакстон, Дарвин, Байрон» [Чуковский 2013, т. 11, 495].

Еще одной причиной забвения писателей мирового уровня К.И. Чуковский считал господство массовой культуры. В статье «Нат Пинкертон и современная литература» писатель отмечал, что британское мещанство, по сравнению с пинкертоновщиной, является более безобидной категорией, и даже тот факт, что оно «душило Байрона, Чаттертона, Уайльда, Шопенгауэра, Ницше, Мопассана» [Чуковский 2012, т. 7, 49], не так пугает, как засилие зоологии от Ната Пинкертона, становящееся угрозой человеческому бытию. Вслед за мещанством и пинкертоновщиной приходило неизбежное упрощение понимания культурных ценностей. В дневниковой записи от 9 мая 1965 года К.И. Чуковский приводил свой разговор с африканцем, который высказывал резко негативные соображения в адрес английской литературы и Дж. Байрона в частности. К.И. Чуковский считал эту ситуацию плачевной, приводящей к тому, что «подлинно культурные люди окажутся вскоре в такой изоляции, что, напр., Герцен или Тютчев – и все, что они несут с собой, будет задушено массовой полукультурой» [Чуковский 2013, т. 13, 409]. Иногда упрощение происходило из-за неоправданного сближения мироощущения отдельных писателей и Дж. Байрона. Такое, в частности, К.И. Чуковский отмечал при характеристике сборника рассказов Дж. Лондона «Дорога». Писатель резко высказывался об этой книге, называл ее нестерпимо хвастливой, хлестаковской, саморекламной, отмечал, что через звериные меха, в которые драпируется главный герой, неизменно проглядывает совершенно другой человек: «Янки, коммивояжер в котелке, разыгрывает Заратустру или Байрона! Торгует океанами, бурями, Люциферами, прериями» [Чуковский 2012, т. 7, 226]. По мысли К.И. Чуковского, проповедуемая Дж. Лондоном идеология «бури и натиска» не может прикрыть громкими именами «фатальную пошлость» его творений.

В России творчество Дж. Байрона нередко сближало людей, о чем К.И. Чуковский рассказывал в статье «Сигнал», впервые опубликованной в еженедельнике «Литературная Россия» 21 и 28 февраля 1964 г. Находясь в годы первой русской революции под наблюдением в связи с редакторской деятельностью в журнале «Сигнал» и опасаясь ареста, К.И. Чуковский под вымышленным именем отправился путешествовать и, находясь в гостях у Ж. Щербинской, встретил дочь хозяйки усадьбы, общению с которой помогло творчество Байрона: «...эта милая женщина, разгоряченная любимой поэзией, просит меня продекламировать в подлиннике какие-нибудь строки

из Байрона <...>. Нет сильнее дружбы, чем литературная дружба. Вдруг оказывается, что незнакомый тебе человек, которого ты считал чужим, любит те же стихи, что и ты, и понимает их так же, как ты, то есть в чем-то самом важном и главном родственно близок твоему душевному складу» [Чуковский 2012, т. 4, 567].

В дореволюционной России были популярны и широко тиражировались гравюры с портретом Дж. Байрона. 9 сентября 1907 года К.И. Чуковский записал в дневнике о встрече с И.Е. Репиным, который раскритиковал портреты Дж. Байрона: «Смотрел гравюры Байроновых портретов: вот пошлость, шаблонно» [Чуковский 2013, т. 11, 140]. Годы спустя, в дневниковой записи от 24 марта 1926 г., К.И. Чуковский говорил об изменчивости отношения к талантливым писателям, упоминал историю Э. Голлера, творчество которого было популярно в 1920-е гг., но позже стало неуютным из-за несоответствия советским стандартам, после чего искренне сокрушался по поводу отказа от старого обычая печатать портреты: «Теперь уже совершенно уничтожен обычай печатать портреты Толстого, Достоевского, Гете, Леонардо да Винчи, Байрона, Горького, Чехова, которые прежде были во всех витринах. Но конечно, это затмение временно» [Чуковский 2013, т. 12, 285–286].

Увлечение поэзией Дж. Байрона в России вызвало неизбежные суждения о подражании ему многих отечественных авторов. В письме А.М. Горькому (конец июня – начало июля 1930 г.) К.И. Чуковский не отрицал возможности влияния мотивов и образов произведений английского поэта на творчество русских писателей, но просил обратить внимание на то, что «практика многих веков говорит, что писатели, большие и малые, смолodu учатся своему ремеслу именно путем подражания»: «Даже Байрон, которому подражала молодежь всего мира, в свое время рабски копировал Попа и Спенсера <...>, для начинающих все это было отличной литературной учебой, которая, как мы знаем, пошла им на пользу» [Чуковский 2013, т. 15, 186]. Ранее, в 1908 году, К.И. Чуковский говорил о влиянии известных персонажей Дж. Байрона на формирование образа национального героя в России: «Когда творчество было соборным, народный идеал воплощался в Магомете, в Одиссее, в Микуле Селяниновиче, в Робине Гуде; а потом, когда “из полы в полу” творчество от народа перешло к народной интеллигенции, – Робинзон, Чайльд-Гарольд, Дон Кихот, пускай даже Гуак и Рокамболь стали носителями общественных идеалов – эти рыцари, бродяги, разбой-

ники с возвышенной душой» [Чуковский 2012, т. 7, 39]; подобные процессы К.И. Чуковский считал необходимым условием вхождения иноязычного автора в отечественную культурную среду.

Очень часто имя Дж. Байрона упоминалось в связи с возможным влиянием его творчества на художественное своеобразие произведений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. В дневниковой записи от 14 мая 1923 г. К.И. Чуковский, сообщая о внесенных им поправках в «никуда не годные» примечания А.А. Ахматовой к сочинениям Н.А. Некрасова, приводил в пример одно из ее высказываний, смутивших его: «Байрон имел сильное влияние *как* на Пушкина, *так* и на Лермонтова» [Чуковский 2013, т. 12, 96]. Думается, что писателя возмутила не столько конструкция предложения (К.И. Чуковский считал, что А.А. Ахматова, как и Н.С. Гумилев, не умеет писать прозой), сколько вся спорность утверждения о сильном влиянии английского поэта на творчество А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

В статье «О г. Евг. Соловьеве» (впервые напечатана в газете «Одесские новости» 14 марта 1905 года в рубрике «Заметки читателя») К.И. Чуковский, характеризуя А.С. Пушкина, называл его великим примирителем и считал, что мировоззрение у русского поэта и у Дж. Байрона слишком разное. Писатель доказывал свою точку зрения на примере «Евгения Онегина»: «Начал он [А.С. Пушкин] “Евгения Онегина” в духе Байрона, хотел сделать из него сатиру, – но по дороге полюбил и своего героя, и всё его окружающее – и благословил радостной своей поэзией каждую мелочь его жизни» [Чуковский 2012, т. 6, 342]. В «Онегине» нет мрачного отчаяния человека, разочаровавшегося в идеалах своего времени, касающихся не только личного самоопределения, но и более общих исторических процессов. По мнению К.И. Чуковского, настроение романа в стихах проникнуто «восторгом бытия», что никак нельзя объяснить влиянием Дж. Байрона, а желание отдельных критиков увидеть в творчестве А.С. Пушкина настроения, созвучные байроновскому мироощущению, вполне объяснимо, так как «из Пушкина можно выкроить аболитиониста только потому, что из него можно всё, что угодно, выкроить» [Чуковский 2012, т. 6, 342]. Эту же мысль К.И. Чуковский позже развивает в статье «“Поединок” А. Куприна» (1905). Писатель определяет русскую литературу как созерцательную и рефлексивную, но не обличающую: «Пушкин принимался за “Евгения Онегина” с сатирическими целями, хотел написать нечто бесконечно язвительное» [Чуковский 2012, т. 6, 342].

тельное и злобное, в байроновском духе. Но во время писания, по дороге, так полюбил изображаемую им жизнь, что от Байрона скоро не осталось и следа» [Чуковский 2012, т. 6, 352]. Основной чертой «Онегина» К.И. Чуковский считал примиренность, чего не было в творчестве Дж. Байрона.

В главе «Онегин на чужбине» книги «Высокое искусство» К.И. Чуковский высказывал свое отношение к набоковским комментариям к «Евгению Онегину», в частности, к суждениям В.В. Набокова о возможных заимствованиях некоторых сюжетов и образов «романа в стихах» из сочинений Дж. Байрона: «И по поводу “таинственной гондолы”, упомянутой А.С. Пушкиным в “Евгении Онегине”, Набоков точно так же указывает, что эта венецианская лодка всплыла в пушкинский текст прямо из поэмы Байрона “Беппо”, с которой поэт познакомился по французскому переводу Амедея Пишо» [Чуковский 2012, т. 3, 341]; «Комментатор так твердо уверен в существовании французских и отчасти английских первоисточников “Евгения Онегина”, что даже удивляется, когда обнаруживает, что Пушкин самостоятельно, так сказать, из своей головы, не подражая ни Вольтеру, ни Байрону, говорит о товарах, которые “Лондон щепетильный”

...по балтийским волнам
За лес и сало возит нам» [Чуковский 2012, т. 3, 342–343].

К.И. Чуковский призывал детально проверять каждый случай предполагаемого заимствования. «Навешивание ярлыков», по мнению писателя, не должно вытеснять индивидуальность, что нередко происходит, когда говорят о влиянии Дж. Байрона на русскую литературу. В письме И.Е. Репину от 23 марта 1926 г. К.И. Чуковский отмечал сугубо национальный характер поэзии М.Ю. Лермонтова, основой таланта которого стали трагичность и искренность русской души: «Вообще какой вздор эти ярлычки пред лицом истинного искусства! Терпеть не могу, когда Лермонтова зовут “байронистом”. Важна индивидуальность, которая проявлялась при сравнении» [Чуковский 2013, т. 15, 60]. К.И. Чуковский соглашается с мнением литературоведа И.Л. Андроникова, который отмечает национальную самобытность экзотики поэм М.Ю. Лермонтова, основанную на конкретных реалиях кавказской действительности. В статье «Ираклий Андроников» К.И. Чуковский пишет, что широко распространенная

мысль о том, что «вся экзотика “Мцыри” и “Демона” – абстрактная, книжная, заимствованная русским поэтом у Томаса Мура и Байрона, дань модному литературному веянию, подражание европейским образцам» [Чуковский 2012, т. 10, 667], лишена основания и И.Л. Андроников доказывает множеством фактов уникальность поэтического таланта М.Ю. Лермонтова.

В статье «Мережковский и Лермонтов» (1909), написанной по случаю чтения Д.С. Мережковским лекции о М.Ю. Лермонтове в Москве в Политехническом музее 28 ноября 1908 года, К.И. Чуковский поясняет, каким образом делаются выводы о влиянии английского поэта на М.Ю. Лермонтова: «Слушаю дальше: приводятся три цитаты – действительно из Лермонтова – по две строки каждая, и страшный вопрос считается решенным. И, как нарочно, в этих цитатах нет Лермонтова совсем, это те бутады против “Неба”, которые с легкой руки Байрона гуляли тогда по Европе, – и в лермонтовскую пору были такой же банальщиной, как теперешнее расхожее нищество» [Чуковский 2012, т. 7, 398].

К.И. Чуковский не мог обойти стороной и аспекты, связанные с восприятием творчества Дж. Байрона Н.А. Некрасовым. В статье «Жизнь Некрасова» (1927) он рассказывает о детстве русского поэта, его увлечении чтением. Одной из любимых книг Н.А. Некрасова стала «нелепая, но бурнопламенная книга, вышедшая в 1827 году, под таким затейливым заголовком: «КОРСЕР. Романтическая трагедия в трех действиях, с Хором, Романсами и двумя песнями, Турецкою и Аравийскою, заимствованная из Английской Поэмы Лорда Бейрона, под названием: The Corsair. Сочинение В.Н. Олина» [Чуковский 2012, т. 8, 571]. По мнению К.И. Чуковского, книга была слабым отголоском произведения английского поэта, но некоторые фрагменты, призывавшие к свободе и борьбе с угнетателями, настолько впечатлили Н.А. Некрасова, «что и через тридцать пять лет он декламировал их на память перед своими знакомыми» [Чуковский 2012, т. 8, 571].

К.И. Чуковский увидел влияние творчества Дж. Байрона на Н.А. Некрасова в строках поэмы «Несчастные» (1856). В статье «Его мастерство» (1926), содержащей наблюдения над звуковой изобразительностью, долгословием, перерождением ритма в творчестве поэта, К.И. Чуковский отмечал романтический тон поэмы, ее чрезмерную наполненность архаичными словами: «О преступниках байронически сказано:

*В них сердце превратилось в камень,
Навек оледенела кровь*» [Чуковский 2012, т. 8, 468].

Стремление Н.А. Некрасова приблизиться в своих стихах к высокой поэзии, к текстам А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, по наблюдению К.И. Чуковского, было насилием над собственным поэтическим стилем. Анализируя степень присутствия А.С. Пушкина в творчестве Н.А. Некрасова, К.И. Чуковский цитировал юношеское стихотворение поэта «Портреты». Н.А. Некрасов, стремясь уязвить возвеличивавших себя современных авторов, использовал строку из «Евгения Онегина»: «Как Байрон, гордости поэт!» [Чуковский 2012, т. 8, 427]. По словам К.И. Чуковского, «байронические» мины были в ходу у многих поэтов, хотя и наблюдались некоторые отклонения от их оригинальной трактовки. В связи с этим в главе «Проза ли?» «Рассказов о Некрасове» (1926) К.И. Чуковский отмечал характерную особенность произведений Н.А. Некрасова: «Поколению шестидесятых годов за то и полюбилась поэзия Некрасова, что в ней <не было> ни одного из высоких героев предшествующей высокой поэзии» [Чуковский 2012, т. 8, 426–427]. В результате этого столь узнаваемый в «Прекрасной партии» Н.А. Некрасова образ байроновского Манфреда был принижен, что делалось, как считал К.И. Чуковский, не только для осовременивания высоких героев, но и для характеристики эпохи, взрастившей таких людей.

Имя Дж. Байрона использовалось Н.А. Некрасовым и для обмана цензуры; так, «посвященное Чернышевскому стихотворение “Пророк” вначале носило подзаголовок “Из Байрона”, потом “Из Ларры”, потом “Из Барбье”» [Чуковский 2012, т. 10, 614]. К.И. Чуковского удивляет тот факт, что цензура не смогла заметить странностей подобных стихотворений с русской тематикой и с заголовком, указывавшим на зарубежного писателя.

В работах К.И. Чуковского содержались интересные факты, касающиеся восприятия творчества Дж. Байрона современными писателями, причем в большинстве случаев эти факты не позволяли сформировать целостное мнение об английском поэте, акцентируя отдельные детали, указывавшие на хорошее знакомство в России с байроновским творчеством.

В статье «Подпольный байронизм», впервые опубликованной в газете «Речь» 6 июня 1907 г. и явившейся откликом на первые четыре тома сочинений писателя Н.Л. Альбова, К.И. Чуковский проводил

аналогии между творчеством рецензируемого автора и произведениями Дж. Байрона. Он с юмором говорил о первом впечатлении от прочтения хроники «Конец Неведомой улицы», в которой неожиданно поразили «великолепие серых красок, угрюмость юмора, острота художественного зрения (“совсем не ожидал от Альбова!”)» и хранившийся «за покровом идиллии» трагический пафос [Чуковский 1907]. Тяготение Н.Л. Альбова к сильным личностям, к тревожным переживаниям человеческой души, в котором современные ему критики видели влияние творчества Ф.М. Достоевского, К.И. Чуковский связывает с желанием автора приблизиться своим творчеством к произведениям мирового уровня, в результате чего получается «Байрон какой-то, а не Альбов. До такой степени притворяется, что в начале Байрона и не заметишь», «И вдруг такая странность: что ни роман, то чайльд-гарольдия, то “бунт”, то “мятеж”» [Чуковский 1907]. Подобное сравнение не имело цели принизить талант Альбова, К.И. Чуковский, скорее, пытался указать, что мироощущение, свойственное Дж. Байрону, наблюдается и в творчестве его русских современников. Известно, что Н.Л. Альбов, яркий представитель своей эпохи, запечатлел в творчестве идейные и философские веяния России 1870-х гг.

Имя Дж. Байрона К.И. Чуковский упоминает в статье «Вербицкая», посвященной писательнице А.А. Вербицкой, феминистке, автору популярного у массового читателя начала XX века романа «Ключи счастья» (1909–1913). По мысли писателя, большинство авторов при написании своих произведений не пытались представить из себя того, кем они не являются: «Нет, вы все у нас честные люди, и когда пишете на потребу джентльменов из Апраксина рынка, вы не притворяетесь, будто вы Ибсены, Байроны, Словацкие» [Чуковский 2012, т. 7, 100]. А.А. Вербицкая же, апеллируя к громким именам, подкрепляя свои мысли цитатами маститых мыслителей и писателей и привлекая тем самым большое количество неискушенных читателей, желает занять важное место в отечественной литературе и считает свое творчество достойным всеобщего признания.

В статье «Федор Сологуб» (1907), посвященной выходу романов «Мелкий бес» и «Капли крови», К.И. Чуковский, характеризуя главного героя первого романа, считает передоноvincу чудовищным проявлением быта России. К.И. Чуковский в некоторой степени оправдывает Передонова, который «так же прав в своей передонов-

щине, как фиалка в своем благоухании, как Байрон в своих поэмах» [Чуковский 2012, т. 6, 124]. Окружающие же, по мысли автора, не смогли понять беспредельного горя мятущейся души героя, рвущейся из гнусных сетей Недотыкомки.

К.И. Чуковский говорит о Дж. Байроне при характеристике обращения Л.Н. Андреева к библейскому образу Иуды (повесть «Иуда Искариот», 1907), возникающему в различных контекстах во многих произведениях русской литературы. В статье «Об Иуде Искариоте и г. Скитальце» (1907) Чуковский возвышает Иуду: «...мне хочется самым решительным образом спорить с теми, кто сопричислил Иуду к Георгию Чулкову и захотел увидеть в нем какой-то pendant к “Каину” Байрона или к Эсхилу “Прометею”» [Чуковский 2012, т. 6, 494]. По его наблюдению, предательство Иуды у Л.Н. Андреева – величайший акт богопочитания, и если у Дж. Байрона Каин становится убежденным противником Бога, то «Иуда – не враг “скорбно бледного Учителя”, – как хочется уличному романтизму, – он Его брат, пособник, двойник» [Чуковский 2012, т. 6, 494]. Такая оценка вызывала недоумение критики, посчитавшей позицию Чуковского несостоятельной.

В статье «Анатолий Каменский», критикуя ограниченность беллетристического дарования современного писателя, проповедовавшего в своих рассказах идеи вульгарного нищезанятия, умело сочетая их с социал-демократическими лозунгами, К.И. Чуковский называл эти лозунги «посторонними наслоениями», убрав которые можно увидеть целый ряд обычных анекдотов»: «Таким образом невинный анекдотист вдруг, неожиданно для самого себя, оказался в роли бунтовщика, героя, борца. “Кувшинное рыло” вдруг оказалось Байроном, Вольтером, Руссо» [Чуковский 2012, т. 6, 95].

С Дж. Байроном К.И. Чуковский иронично сравнивает А.Т. Аверченко в статье «Устрицы и океан» (1911): «Иногда мне приходит в голову: уж не Байрон ли – редактор нашего “Сатирикона”? Уж не Генрик ли Ибсен? Быть может, это только пишется “Аркадий Аверченко”, а читать надлежит: “Фридрих Ницше”?» [Чуковский 2012, т. 7, 513]. Такую язвительность К.И. Чуковский обуславливал позицией журнала, в котором бунт против мещанства, против серых будней, по его мнению, нивелировался и становился «погрешкой милых литературных щекотальщиков, развлекателей “чуткой” публики!» [Чуковский 2012, т. 7, 515].

О том, что Дж. Байрон был авторитетным писателем в современной К.И. Чуковскому литературной среде, можно судить по диалогу, приведенному в статье «Маяковский» (1940). В.В. Маяковский, интересуясь биографией У. Уитмена, задавал Чуковскому волнующие его вопросы: «Как Уитмен читал свои стихи на эстрадах? Часто ли бывал он освистан? Носил ли он какой-нибудь экстравагантный костюм? Какими словами его ругали в газетах? Ниспровергал ли он Шекспира и Байрона?» [Чуковский 2012, т. 5, 234]. Эти вопросы, по наблюдению Чуковского, были вызваны не праздным любопытством, а желанием соотнести биографию У. Уитмена со своей биографией в новой стране, где А.С. Пушкин ниспровергался с корабля истории.

Имя Дж. Байрона упоминается также в шутовском экспромте писателя А.Б. Раскина, оставленном на страницах альманаха «Чукоккала» 1 апреля 1956 г. Отталкиваясь от известных строк М.Ю. Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой...», А.Б. Раскин пытался сымитировать стиль М.Ю. Лермонтова, тогда как появление образа Дж. Байрона было во многом ситуационным [Чукоккала 2008, 428].

Большое внимание К.И. Чуковский уделял переводческому восприятию произведений Дж. Байрона в России. Общее отношение к качеству выполненных в России байроновских переводов Чуковский отразил в главе «В защиту Бернса» книги «Высокое искусство», посоветовав на то, что, «к сожалению, до сих пор еще Гейне, Мицкевич, Байрон и другие большие поэты продолжают у нас выходить в ремесленных переводах»: «Надо накапливать хорошие – истинно поэтические – переводы и не включать в план иностранного или иноплеменного поэта, пока не накопятся такие переводы» [Чуковский 2012, т. 3, 200].

Характеризуя перевод В.А. Жуковским «Шильонского узника», К.И. Чуковский критиковал переводчика за чрезмерное искажение оригинала, превалирование собственного поэтического «я»: «...при помощи чужих мелодий, сюжетов и образов он <...> проецировал в литературе свое я, за тесные пределы которого не мог вывести поэта даже Байрон» [Чуковский 2012, т. 3, 32]. Еще одним препятствием на пути восприятия текстов Байрона стало, по мнению Чуковского, увлечение В.А. Жуковского религиозной философией, с ее характерной образностью и символикой, чуждой подлиннику: «Тяга к христианской символике сказалась у Жуковского даже в переводе

Байронова “Шильонского узника”, где он дважды именуется младшего брата героя – *нашим ангелом, смиренным ангелом*, хотя в подлиннике нет и речи ни о каких небожителях» [Чуковский 2012, т. 3, 29].

О Н.С. Гумилеве как редакторе переводов Байрона К.И. Чуковский пишет в статье «Гумилев», впервые изданной в новейшее время по машинописной копии, предназначенной для «Чукоккалы». Там же приводится текст записки Н.С. Гумилева: «Корней Иванович, вчера я предентировал “Абидосскую невесту”, перевод И. Козлова, и когда проснулся, было половина второго. Я решил, что идти к Вам поздно. Если простите меня, посвящу Вам второе издание “Мика”. Н. Г. » [Чуковский 2012, т. 5, 442].

К.И. Чуковский детально проанализировал перевод поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», выполненный В.В. Левиком. В третьей главе «Неточная точность» книги «Высокое искусство» писатель указывал на поэтическое мастерство создателя перевода, позволившее ему передать замысел автора и художественное своеобразие оригинала: «Форма сонетов Ронсара и строф “Чайльд-Гарольда” соблюдена им с пунктуальной точностью. И одновременно с этим ему каким-то чудом удается воспроизвести в переводе и поэтическое очарование подлинника – то драгоценное нечто, для которого у теоретиков и критиков нет подходящего термина, хотя всякий, кто любит поэзию, знает, о чем идет речь» [Чуковский 2012, т. 3, 78]. И дело не только в том, что переводчик мастерски владеет стихотворными размерами, а в том, что он передает «вдохновение – вдохновением, красоту – красотой». Даже трудная стихотворная форма Чайльд-Гарольда (каждая строфа – девять строк, чередующихся в строгом порядке: *абабббггг*, причем девятая строка длиннее каждой из восьми предыдущих), требующая от специалиста виртуозного владения техникой стихосложения, дается ему с легкостью: «словно не замечая трудностей, справляется Левик с этой “спенсерианской” строфой» [Чуковский 2012, т. 3, 78]. В назидание всем буквалистам К.И. Чуковский отмечает, что, несмотря на очевидное расхождение переводимых строк с подлинником, «мысли Байрона здесь переданы с удивительной точностью, форма воспроизведена так пунктуально и дикция такая непринужденная, что кажется, будто слышишь голос самого Байрона» [Чуковский 2012, т. 3, 79].

Схожими переводческими принципами в своей работе руководствовалась Т.Г. Гнедич, её переводы Байрона К.И. Чуковский оценивал высоко. В статье «Дон Жуан» писатель называет ее переложение

поэмы Дж. Байрона «навсегда посрамившим зловредную теорию буквализма» [Чуковский 2012, т. 3, 218] и описывает свои ощущения от знакомства с результатами ее работы: «Читаешь этот перевод после былых переводов, и кажется будто из темного погребца, в котором ты изнывал от тоски, тебя вдруг выпустили на зеленый простор» [Чуковский 2012, т. 3, 219]. В «Оксфордской речи», помимо краткого экскурса по истории создания Т.Г. Гнедич перевода поэмы «Дон Жуан», Чуковский кратко охарактеризовал и отношение критики и общества к переводу: «Теперь ее перевод напечатан и высоко оценен советской критикой. О ее высоком писательском подвиге недавно сообщила наша пресса» [Чуковский 2012, т. 3, 491].

Чтобы не быть голословным в признании высокого мастерства переводчицы, К.И. Чуковский ссылаясь на низкий уровень ранее выполненных П.А. Козловым и Г.А. Шенгели переложений «Дон Жуана». Перевод П.А. Козлова писатель назвал вполне корректным, «но до того худосочным, что русские люди, читая его, невольно представляли себе Байрона бесталанным сочинителем скучнейших стихов» [Чуковский 2012, т. 3, 218]. Более поздний перевод Г.А. Шенгели, по наблюдению К.И. Чуковского, испортили ошибочные переводческие принципы, которым автор следовал при работе над поэмой. «Дон Жуан» в интерпретации переводчика стал печальным примером неудачного прочтения иностранного текста: «В погоне за механической, мнимой точностью Шенгели попытался воспроизвести каждую строфу слово в слово, строка за строкой, не заботясь о передаче ее искрометного стиля. Вместо обаятельной легкости – тяжеловесность неудобочитаемых фраз, вместо светлого искусства – ремесленничество» [Чуковский 2012, т. 3, 219].

На фоне этих неудачных переложений перевод Т.Г. Гнедич впечатлил профессионализмом подхода к интерпретируемому произведению, в результате чего русские читатели вдруг обнаружили, что «“Дон Жуан” – это вовсе не скопление бесчисленных рифмованных ребусов, которые никому не интересно отгадывать, но кристаллически ясное произведение искусства, вполне достойное того восхищения, с каким его встретили и Пушкин, и Гете, и Шелли, и Вальтер Скотт, и Мицкевич» [Чуковский 2012, т. 3, 219]. Чуковский отмечает, что в обход теории буквализма переводчица пожертвовала отдельными образами и красками оригинального текста, чтобы передать яркость и естественность интонаций, легкость дикции. Десятки исключенных при переводе деталей помогли Т.Г. Гнедич сохранить

речевую экспрессию, без которой «Дон Жуан» не был бы байроновским. К.И. Чуковский приводит в пример «лицемерные вопли, которыми с видом оскорбленной невинности осыпает ревнивого мужа только что изменившая ему донна Юлия, в то самое время, когда у нее под постелью спрятан молодой Дон Жуан» [Чуковский 2012, т. 3, 219]. Т.Г. Гнедич удалось передать все модуляции голоса разгневанной женщины, что вряд ли получилось бы у нее при буквальном переводе. К.И. Чуковский приводит многочисленные примеры значительного смыслового расхождения переложения Т.Г. Гнедич с оригинальным текстом, но считает эти «жертвы» обоснованными, так как они помогают «воссоздать с наибольшей точностью живую, эмоциональную дикцию подлинника» [Чуковский 2012, т. 3, 223]. Большим подспорьем переводчице при ее работе над интерпретацией поэмы становились богатые языковые ресурсы, которыми она в совершенстве владела и которые помогли ей воссоздать живую, одушевленную речь.

Недостатком перевода писатель считал невоспроизведенную систему рифмовки. Каламбурные, неожиданные рифмы, создающие видимость виртуозно-гротескной игры, у Т.Г. Гнедич представлены бледнее и будничнее. В письме С.Я. Маршаку от 9 октября 1963 г. К.И. Чуковский указывал на простоту и банальность рифмовки, используемой Т.Г. Гнедич: «Воздал должное Татьяне Гнедич, но вместо сногшибательных рифм Байрона у нее “ение” и “ание”» [Чуковский 2013, т. 15, 548]. К.И. Чуковский относился к этому недочету снисходительно, поскольку считал рифму «Дон Жуана» «гениальной причудой», недоступной для большинства переводчиков; он воздавал должное таланту Т.Г. Гнедич, которая в сложнейших условиях тюремного заключения в годы политических репрессий смогла проделать колоссальную работу.

О собственных переводах Дж. Байрона (так нигде не опубликованных и, вероятно, не сохранившихся) К.И. Чуковский упоминал в дневниковой записи от 9 апреля 1905 г.: «Перевожу Байрона для Венгерова. Не знаю, удастся ли мне. Иногда нравится, иногда нет» [Чуковский 2013, т. 11, 114]. О С.А. Венгерове как издателе русской и зарубежной классики Чуковский размышлял в 1923 году («Еще одним умершим от голода стал С. Венгеров, профессор истории литературы, давший русскому читателю полные собрания сочинений Шекспира, Шиллера и Пушкина» [Чуковский 2013, т. 14, 552]) и в 1968 году, вспоминая встречу с ним в Лондоне: «Кропоткина я пер-

вый раз увидел в читальном зале Британского музея. В то время я видел там одного из братьев Гранат (готовивших свой знаменитый словарь), Семена Венгерова (готовившего издание Шекспира и Байрона)» [Чуковский 2013, т. 13, 482–483]. Считая дело С.А. Венгерова кропотливым и трудоемким, К.И. Чуковский признавал его важность для популяризации творчества Дж. Байрона в России.

В своих литературно-критических работах К.И. Чуковский, специально не ставя такой задачи, весьма полно осветил проблематику рецепции творчества Дж. Байрона в России, дав оценки фактам внимания к байроновскому наследию русских классиков, охарактеризовав многие переводы, в том числе и те, что до настоящего времени не утратили своей художественно-эстетической значимости. Многочисленные наблюдения, касающиеся Байрона и его творчества, разбросаны на страницах произведений, дневников, писем Чуковского, однако, собранные воедино, они формируют целостное представление о взглядах русского писателя на творчество английского классика, отражая при этом более общие культурные и общественные процессы.

Источники

Репин, Чуковский 2006 – Репин И.Е. Чуковский К.И. *Переписка. 1906–1929*. М., 2006.

Чуковская 2012 – Чуковская Л.К. *Памяти детства // Воспоминания о Корнее Чуковском*. М., 2012. С. 9–196.

Чуковский 2012 – Чуковский К.И. *Собрание сочинений: в 15 т. Тт. 1–10*. М., 2012.

Чуковский 2013 – Чуковский К.И. *Собрание сочинений: в 15 т. Тт. 11–15*. М., 2013.

Чуковский 1907 – Чуковский К.И. *Подпольный байронизм // «Речь»*. № 123. 6 июня 1907 г.

Чукоккала 2008 – Чукоккала: *Рукописный альманах Корнея Чуковского*. М., 2008.

Литература

Александров 1904 – Александров Н.Н. *Джордж Байрон. Его жизнь и литературная деятельность*. СПб., 1904.

Алексеев 1982 – Алексеев М.П. *Русско-английские литературные связи (XVII век – первая половина XIX века)*. М., 1982.

Дьяконова 2007 – Дьяконова Н.Я. *Байрон в годы изгнания*. М., 2007.

Гуревич 1980 – Гуревич А.М. *Романтизм в русской литературе*. М., 1980.

Жирмунский 1978 – Жирмунский В.М. *Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы*. Л., 1978.

Лашкевич 1991 – Лашкевич А.В. *Байрон и байронизм в литературном сознании России первой половины XIX в.* // Великий романтик. Байрон и мировая литература. М., 1991.

Левин 1985 – Левин Ю.Д. *Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода.* Л., 1985.

Морозова 2021 – Морозова С.Н. *К.И. Чуковский о специфике переводческого восприятия драматургии Шекспира в России* // Художественный перевод и сравнительное литературоведение – XV: Сб. научных трудов. М., 2021. С. 36–57.

Морозова, Жаткин 2020а – Морозова С.Н., Жаткин Д.Н. *Корней Чуковский о Шерлоке Холмсе и Артуре Конан Дойле* // Гуманитарные исследования. 2020. № 1 (73). С. 78–87.

Морозова, Жаткин 2020б – Морозова С.Н., Жаткин Д.Н. *Творчество Г.К. Честертона в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского* // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 3 (51). С. 37–47.

Морозова, Жаткин 2019 – Морозова С.Н. *Творчество Оскара Уайльда в восприятии К.И. Чуковского* // Художественный перевод и сравнительное литературоведение – XI: Сб. научных трудов. М., 2019. С. 31–46.

WORK OF J. BYRON IN THE LITERARY AND CRITICAL REFLECTION OF K.I. CHUKOVSKY

© **Zhatkin Dmitry Nikolaevich** (2022), ORCID: 0000-0003-4768-3518, SPIN-code: 7997-9846, Doctor of Philology, Professor, Penza State Technological University (1a/11 Baidukov Ave. / Gagarina st, Penza, 440039, Russia), ivb40@yandex.ru

© **Morozova Svetlana Nikolaevna** (2022), ORCID: 0000-0003-0686-5614, SPIN-code: 4889-6361, Candidate of Philology, assistant professor, Branch of the Military Academy of Logistics in Penza (Military town, Penza-5, 440005, Russia), s.morozova09@mail.ru

The article deals with the features of K.I. Chukovsky's perception of the work of J. Byron. Literary critical publications, memoirs and epistolaries of the Russian writer contain numerous facts of references to the biography and work of J. Byron. to K.I. Chukovsky paid much attention to the analysis of the influence of the English author's work on the formation of the worldview of Russian writers, on the images and motives of their works. In the articles *About Mr. Evg. Solovyov*, *'Duell' written by Kuprin* and diary notes K.I. Chukovsky spoke with conviction about the artificiality of the rapprochement between J. Byron and A.S. Pushkin, in the articles *Irakli Andronikov*, *Merezhkovsky and Lermontov* talked about the exaggeration of the researchers in Byron's influence on M.Yu. Lermontov. When analyzing trans-

lations of Byron's works into Russian, K.I. Chukovsky criticized literalism, non-compliance with the classical principles of literary translation, which led to the distortion and impoverishment of the heritage of the English poet. A significant amount of materials related to the understanding of the translational reception of the works of John Byron in Russia is included in to the book *High Art*, which describes the published translations of *The Prisoner of Chillon* (V.A. Zhukovsky), *Childe Harold's Pilgrimage* (V.V. Levik), *Don Juan* (P.A. Kozlov, G.A. Shengeli, T.G. Gnedich). K.I. Chukovsky gave examples of distortions made by each of the translators, while noting the stylistic complexity and heterogeneity of Byron's heritage.

Keywords: K.I. Chukovsky, J. Byron, reception, romanticism, translations.

References

(Articles from Scientific Journals)

Морозова, Жаткин 2020а – Morozova S.N., Zhatkin D.N. Korney Chukovskiy o Sherloke Kholmse i Arture Konan Doyle [Korney Chukovsky about Sherlock Holmes and Arthur Conan Doyle]. *Gumanitarnyye issledovaniya*. 2020, no.1 (73), pp. 78–87. (In Russian).

Морозова, Жаткин 2020б – Morozova S.N., Zhatkin D.N. Tvorchestvo G.K. Chestertona v literaturno-kriticheskom osmyslenii K.I. Chukovskogo [Work G.K. Chesterton in the literary-critical understanding of K.I. Chukovsky]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020, no. 3 (51), pp. 37–47. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Морозова, Жаткин 2019 – Morozova S.N. Tvorchestvo Oskara Uayl'da v vospriyatii K.I. Chukovskogo [The work of Oscar Wilde in the perception of K.I. Chukovsky]. *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noye literaturovedeniye* – XI: *Sb. nauchnykh trudov*. Moscow, 2019, pp. 31–46. (In Russian).

Морозова 2021 – Morozova S.N. K.I. Chukovskiy o spetsifike perevodcheskogo vospriyatiya dramaturgii Shekspira v Rossii [K.I. Chukovsky on the specifics of the translation perception of Shakespeare's dramaturgy in Russia]. *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noye literaturovedeniye* – XV: *Sb. nauchnykh trudov*. Moscow, 2021, pp. 36–57. (In Russian).

(Monographs)

Александров 1904 – Aleksandrov N.N. Dzhordzh Bayron. Ego zhizn' i literaturnaya deyatelnost' [George Byron. His life and literary activity]. Sankt-Peterburg, 1904 <?>. (In Russian).

Алексеев 1982 – Alekseyev M.P. Russko-angliyskiye literaturnyye svyazi (XVII vek – pervaya polovina XIX veka) [Russian-English Literary Relations (XVII century – the first half of the XIX century)]. Moscow, 1982. (In Russian).

Дьяконова 2007 – D'yakonova N.Ya. Bayron v gody izgnaniya [Byron. Years of exile]. Moscow, 2007. (In Russian).

Гуревич 1980 – Gurevich A.M. Romantizm v russkoy literature [Romanticism in Russian literature]. Moscow, 1980. (In Russian).

Жирмунский 1978 – Zhirmunskiy V.M. Bayron i Pushkin: Pushkin i zapadnyye literatury [Byron and Pushkin: Pushkin and Western Literature]. Leningrad, 1978. (In Russian).

Лашкевич 1991 – Lashkevich A.V. *Bayron i bayronizm v literaturnom soznanii Rossii pervoy poloviny XIX v.* [Byron and Byronism in the Literary Consciousness of Russia in the First Half of the 19th Century.]. Velikiy romantik. Bayron i mirovaya literatura. Moscow, 1991. (In Russian).

Левин 1985 – Levin Yu.D. Russkiye perevodchiki XIX v. i razvitiye khudozhestvennogo perevoda [Russian translators of the 19th century. and development of artistic translation]. Leningrad, 1985. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.01.2022